ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМЯ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1916.

Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи.

I.

Характеръ творчества населенія Персіи, говорящаго на нарѣчіяхъ и говорахъ собственно персидскаго языка, отличается рѣзко не только отъ общаго строя персидской литературы, но и отъ народнаго же творчества другихъ арійскихъ народовъ. Эти отличія, разумѣется, могутъ варьировать въ степени своей яркости и обусловлены, очевидно, очень длинною цѣпью разныхъ историческихъ, географическихъ и т. п. особенностей, опредѣлявшихъ жизнь народа. Многія особенности въ содержаніи, формѣ и языкѣ могутъ показаться странными, если подходить къ вопросу со взглядами, давно уже выработанными по отношенію къ фольклору другихъ народовъ и примѣнимыми даже къ такимъ близкимъ персамъ народностямъ, какъ балучи, курды и другія родственныя племена.

Казалось бы, наилучшимъ средствомъ для выраженія своихъ поэтическихъ и эстетическихъ настроеній является родное нарѣчіе. Здѣсь же наблюдается какъ разъ обратное явленіе: все творчество производится по возможности на наиболѣе чистомъ литературномъ языкѣ, нарѣчія же, насколько мнѣ удалось наблюдать, считаются совершенно неподходящимъ матеріаломъ для такой цѣли, потому что они «не имѣютъ той краснорѣчивости», «не имѣютъ сладости». Поэтому почти невозможно встрѣтить какія-либо проявленія фольклора на діалектахъ. Это тѣмъ болѣе странно, что многія нарѣчія очень далеки отъ литературнаго языка, не только въ области словаря, но и морфологіи. Даже колыбельныя пѣсни поются, хотя и на сильно діалектизированномъ, но все же литературномъ языкѣ. О двуязычности говорить здѣсь трудно, потому что въ Персіи существуетъ еще не мало мѣстностей, гдѣ на литературномъ языкѣ говорятъ очень плохо, а то и совсѣмъ его не понимаютъ. Однако мѣстные жители также точно не знаютъ

ни одного образца на своемъ нарѣчіи или говорѣ, а создаютъ свои пѣсни на литературномъ языкѣ, конечно, сильно его діалектизируя. Языкъ стихотвореній обыкновенно бываетъ несравненно чище и ближе къ литературному, чѣмъ языкъ прозы и обиходныхъ разговоровъ съ тѣми, кто не говоритъ на данномъ нарѣчіи. Даже и въ области творчества, напр. въ сказкахъ, несмотря на свои литературныя стремленія, онъ иногда становится почти чистымъ діалектомъ.

Еще болѣе замѣчательно, что и инородцы (какъ напр. въ восточной Персіи) — арабы, балучи, цыгане, еще не окончательно утерявшіе здѣсь свой языкъ, совершенно забыли родной фольклоръ и пользуются исключительно персидской народной поэзіей, — а быть можетъ и сами принимаютъ участіе въ ея развитіи. И здѣсь персидскій языкъ въ его діалектизированной формѣ употребляется даже для колыбельныхъ пѣсенъ. Совершенно естественно, что у инородцевъ въ такомъ искусственномъ фольклорѣ процессъ обмѣна, т. е. забываніе стараго и появленіе новаго, совершается не такъ быстро, какъ у персидскаго населенія. Поэтому очень часто можно у инородцевъ найти болѣе старыя, зачастую изобилующія архаизмами и рѣдкими словами, версіи распространенныхъ пѣсенъ.

Насколько активенъ персидскій языкъ въ вытѣсненіи родного у разныхъ народностей, даже не-арійскихъ расъ, доказываютъ примѣры персидскихъ евреевъ, «берберi» — т. е. hезарейцевъ монгольскаго (тангутскаго?) происхожденія, многочисленныхъ арабскихъ племенъ восточной Персіи (теперь большею частью — сейиды), даже цыганъ, которые нигдѣ такъ не забыли свой родной языкъ, какъ здѣсь.

Надо принять во вниманіе, что, вообще, чисто персидское населеніе современной Персіи далеко не многочисленно и рѣдко гдѣ живетъ большими массами вдали отъ инородцевъ. Если перечислить всѣ области, занятыя такимъ населеніемъ, становится яснымъ его разбросанность и неплотность. За малыми исключеніями оно занимаетъ самыя бѣдныя области Персіи, лежащія на краяхъ центральныхъ пустынь. Надо принять во вниманіе также и крайнюю неоднородность этого населенія въ лингвистическомъ отношеніи, то безконечное разнообразіе нарѣчій и говоровъ, когда каждыя нѣсколько деревень имѣютъ свой особый, непонятный для сосѣдей, діалектъ, который сходится съ литературнымъ — и то лишь отчасти — только въ Фарсѣ и восточной Персіи, пограничной съ Афганистаномъ. Большой процентъ этихъ мѣстностей, благодаря географическимъ условіямъ, имѣетъ особый языкъ — переходы къ курдскому или лурскому, а въ южной Персіи, какъ напр. въ Башкердѣ — къ балучі, что также не способствуетъ увеличенію мощности вліянія языка въ его цѣломъ.

Трудно ожидать, чтобы все это множество различныхъ мелкихъ нарѣчій и говоровъ поодиночкѣ или въ совокупности могло бы вліять такъ сильно на инородцевъ, если бы персидскій языкъ не былъ языкомъ религіи, образованности, а главнымъ образомъ — торговли. Конечно, фактъ совершенной утери родного языка цѣлыми племенами и народностями всетаки кажется страннымъ. Но тотъ же процессъ совершается и съ самими персидскими нарѣчіями: отсутствіе творчества на нихъ, мнѣ кажется, есть результатъ аналогичнаго вліянія персидскаго литературнаго языка.

Изъ факторовъ, облегчающихъ разрушеніе обособленности діалектовъ и ихъ постепенное забываніе, можно назвать, напр., ежегодныя паломничества въ Мешхедъ (связанныя съ ликвидаціей урожая), совершаемыя даже изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ большею частью цѣлой деревней; частыя переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую и т. п. Но едва-ли не самымъ важнымъ являются разныя религіозныя чтенія (рӯзехāнī), декламаціи, духовныя книги, а въ извѣстной мѣрѣ и сама грамотность.

Но персидскій языкъ, имѣющій такое сильное вліяніе на другіе языки, самъ имѣетъ очень сильнаго врага въ турецкомъ языкѣ. Вездѣ, гдѣ они оба соприкасаются, населеніе становится двуязычнымъ, а потомъ и совсѣмъ переходитъ на турецкій языкъ. Всѣ стадіи такихъ переходовъ можно наблюдать, напр., по дорогѣ изъ Исфагана въ Хамаданъ и въ области послѣдняго. Несмотря на совершенно арійскій, чисто персидскій обликъ, жители зачастую совершенно не говорятъ по персидски. Мнѣ, однако, никогда не приходилось слышать о такомъ вытѣсненіи персидскаго языка курдскимъ или арабскимъ.

II.

Возвращаясь къ вопросу объ общемъ характерѣ народной поэзіи, надо отмѣтить его полную противоположность характеру поэзіи искусственной. Однако наличіе множества поэтовъ, выходцевъ изъ народа, втягивающихся видимо легко въ общій тонъ книжной поэзіи, указываетъ, что эта пропасть не незаполнима.

Искусственная поэзія, съ ея надорваннымъ, унылымъ тономъ, характернымъ изломомъ мистическаго символизма и аппаратомъ зачастую безвкусныхъ искусственностей является полной противоположностью жизнерадостной, яркой, здоровой, простой до вульгарности, народной поэзіи, напоминающей иногда по духу творчество доисламскихъ арабовъ. Правда, и здѣсь порой прорываются ноты страданія и тоски, но всѣ онѣ — въ предѣлахъ земли и земного. Интересно, что пристрастіе къ конкретнымъ образамъ,

а также любовь къ природѣ ведутъ, совсѣмъ неожиданно, къ той же формѣ творчества, которая въ ходу у совершенно чуждаго персамъ народа — у японцевъ, именно — импрессіонизму, конечно, варьирующему въ интенсивности, однако характерному. Иногда цѣлая пѣсня (четверостишіе) состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ картинъ. Но чаще всего такая картина бываетъ темою запѣва (который, какъ мнѣ сообщали, встрѣчается и въ творчествѣ средне-азіатскихъ турокъ). Напр.

1] Аллō ќawгi кі ќарќар мīкунīді сер ез кӯh бе камар wар мīкунīді.
укōб ӯмад бе qасді куштенẹ tew hамӯн дīдум кі парпар мīкунīді [мīкунеді?].

О куропатка, ты, которая квохчешь!
Ты голову поднимаешь изъ холмовъ, (собираясь летѣть) къ главному хребту.
Прилетѣлъ орелъ съ цѣлью убить тебя:
То-то я вижу, что ты улетаешь.
[или, б. м., что онъ (орелъ) тебя ощипываетъ?]

2] hawō гарм-е кі сер сōje нejōje. седōі ќалќалӯ пōjẹ мijōje
седōі ќалќалӯ пōje нечандӯн седōі ќафші занбне мijōje.

Жарко, тѣни все нѣтъ.
Слышенъ звукъ стука (чьихъ-то) шаговъ;
И не столько звукъ шаговъ —
Звукъ женскихъ туфель.

Однако, какъ было уже сказано, эти импрессіонистическія картины ограничиваются большей частью только запѣвомъ, который иногда не имѣетъ никакой связи съ содержаніемъ слѣдующихъ стиховъ, хотя главное его назначеніе, видимо, давать какъ-бы фонъ, субстратъ переживаній, служащихъ главной темой четверостишія. Напр.:

3] Аллō mōh булапд-е сітōре думбōл ра'ісẹ qōфіле кej кунед бōр
ілōhī qōфіле jак шow куне ланг кі рōjі дар пīш дōрум діл wер думбōл.

Вотъ луна поднялась высоко, за ней звѣзды.
Когда-то начальникъ каравана будетъ (велитъ) вьючить?
Боже мой! Пусть караванъ остался бъ на одну ночь, —
Вѣдь у меня впереди дорога, а сердце — назади.

Это пристрастіе къ конкретности образовъ, отсутствіе искусственности, доходящее порой до вульгарности, можетъ служить лучшимъ, если не единственнымъ, критеріемъ подлинности образцовъ, хотя, несом-

нѣнно, ошибки и здѣсь вполнѣ возможны. Само самой понятно, что многія темы возможны только въ деревнѣ, хотя съ другой стороны — обычное для города явленіе бываетъ крайне рѣдкимъ въ деревнѣ, напр. эротика per nefas, столь нормальная для искусственной поэзіи, здѣсь даже въ завѣдомо порнографическихъ стихотвореніяхъ является очень рѣдкимъ мотивомъ.

Преобладаніе лирики надъ другими видами творчества оттѣняется полнымъ почти отсутствіемъ не только эпическихъ, но даже и историческихъ или злободневныхъ темъ, число которыхъ ничтожно. Жизнь въ глуши, въ разбросанныхъ на громадномъ разстояніи другъ отъ друга персидскихъ деревняхъ, гдѣ зачастую маленькій округъ составляетъ какъ-бы отдѣльный замкнутый міръ, конечно, не можетъ способствовать развитію общественныхъ интересовъ. Что касается эпическихъ мотивовъ — я не находилъ ихъ нигдѣ, несмотря на тщательные поиски. И очень возможно, что теперь они давно уже всѣ забыты, главнымъ образомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ ислама. Но тотъ же исламъ далъ почти готовую эпическую тему — исторію шіитскихъ имамовъ. Этому циклу однако не хватаетъ главнаго момента всякаго эпоса: побѣдоноснаго героизма и необыкновенныхъ приключеній. Поэтому литературная разработка такого элегическаго и священнаго эпическаго цикла, начавшаяся давно въ литературѣ, находитъ такъ мало подражаній въ народѣ, и даже въ наиболѣе спеціальной средѣ — у дервишей. Съ другой стороны надо отмѣтить вообще убогость фантастическаго міра персидскаго крестьянина, ограничивающагося сплошь да рядомъ мусульманскимъ джинномъ, а также очень невысокую интенсивность религіозной жизни (дервишей, напр., можно считать исключительно городскимъ явленіемъ).

Все это показываетъ только, насколько конкретные, ясные, жизненные образы наполняютъ міросозерцаніе народа, неиспорченнаго городской жизнью мусульманства.

Фантастическій элементъ имѣетъ единственную область примѣненія — въ сказкахъ, которыя, насколько я могу судить, почти всѣ искусственнаго происхожденія. Рѣдкія чисто народныя сказки обыкновенно очень примитивны и часто воспроизводятъ варіанты бродячихъ мотивовъ. Это — всегда проза, лишь изрѣдка передѣлываемая въ стихи, какъ напр. очень популярная сказка о Ḥajdar-бек'ѣ, версифицированная какимъ-то شخصی از اهل دهات (изд. Bombay, Dutt-Prasad Press, ۱۳۲۰).

Сатира, пародія, насмѣшка, а то и просто юмористика являются очень часто содержаніемъ четверостишій.

Обрядовыхъ пѣсенъ и стиховъ — очень мало. Въ восточной Персіи ихъ нѣтъ, повидимому, совсѣмъ. Въ западной (около Шираза) я нашелъ

ихъ немного, но насколько они дѣйствительно обрядовыя, т. е. пріурочены только къ извѣстному акту, я не берусь судить.

III.

Въ вопросѣ о стихосложеніи народное творчество также расходится съ литературнымъ. Прежде всего оно почти вполнѣ игнорируетъ правила принятой въ литературѣ просодіи. Лишь изрѣдка можно прослѣдить извѣстный размѣръ, а большей частью замѣчается только тенденція къ опредѣленному количеству слоговъ въ стихахъ — 11 (въ четверостишіяхъ въ третьемъ стихѣ часто бываетъ 13). Встрѣчается также размѣръ въ 7 слоговъ и чередованіе 7 и 8. Конечно, очень часто стихи бываютъ болѣе длинными или короткими, чѣмъ изъ 11 слоговъ, что въ пѣніи легко сглаживается рисункомъ мелодіи. Какъ специфическую особенность народнаго творчества можно отмѣтить особенное тяготѣніе къ формѣ четверостишія (какъ и у турецкихъ народовъ Средней Азіи). Эта форма по преимуществу наполняется лирическимъ содержаніемъ, хотя встрѣчаются и другія темы.

Четверостишія въ разныхъ мѣстностяхъ носятъ разныя названія, напр. чо̄рбеjтӣ (вост. и центр. Персія), сорбӯнӣ (т. е. шутурба̄нӣ) (тамъ-же) пѣсни погонщиковъ верблюдовъ. Серсаўт, sarsaw, серсо̄т, т. е. «пѣсня» въ буквальномъ смыслѣ слова («то, что поется высокимъ голосомъ»). Часто всѣ виды стихотвореній называются просто беjт, ши'р и т. п.

Что касается болѣе длинныхъ, чѣмъ четверостишія, стихотвореній, то они оказываются преимущественно книжнаго или городского происхожденія (въ послѣднемъ случаѣ — порнографическаго содержанія). Очень рѣдко это сатиритическіе или эпическіе отрывки. Въ такомъ случаѣ они или принадлежатъ къ methnewi, или состоятъ изъ тѣхъ же четверостишій, соединенныхъ иногда совершенно искусственно. Такія четверостишія очень часто теряютъ связь съ цѣлымъ, и зачастую можно въ разныхъ деревняхъ услышать разныя части того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передается какъ цѣлое.

Пѣсни, состоящія изъ куплетовъ и припѣвовъ, представляютъ большей частью опять таки комбинацію изъ четверостишій и очень часто это просто любыя четверостишія, послѣ которыхъ неизмѣнно повторяется тотъ же припѣвъ.

Риома является, очевидно, весьма второстепеннымъ вопросомъ въ пѣсняхъ, потому что довольно часто попадаются четверостишія, гдѣ риемуется только одна пара стиховъ, иногда и этого нѣтъ. Большей частью, однако, риома бываетъ *aaba*, есть и *aabb*, но бываетъ и *aaaa*. Конечно, риома только фонетическая, гдѣ основой служитъ форма того смѣшанаго

говора, который существуетъ въ данной мѣстности, напр. недо̄ре — чі ко̄ре, т. е. не да̄ред — чі ка̄р ест, и т. п.

Изъ особенностей внутренняго строенія четверостишій можно указать на характерное явленіе — запѣвъ, о которомъ говорилось выше. Будучи часто слишкомъ обособленъ отъ содержанія пѣсни, онъ является самой слабой частью ея. Поэтому нерѣдко можно встрѣтить одно и тоже четверостишіе, но съ разными варіантами запѣва; иногда цѣлая группа четверостишій начинается тѣмъ же запѣвомъ, напр. (въ восточной Персіи).

4] біјо̄бӯ дар біјо̄бӯ балкẹ гендум

Поле (пустыня), въ полѣ листки (трава) пшеницы.

Кромѣ того существуетъ вообще очень большое количество трафаретовъ, которые, конечно, совершенно естественны при такой трудной формѣ. Очень часто четверостишіе сводится къ трехстишію, а то и къ двустишію, такъ какъ запѣвъ къ содержанію не относится, а иногда второй и третій стихъ разнятся только однимъ словомъ.

Иногда вмѣсто чисто лирической формы встрѣчается діалогъ, напр.:

5] Іло̄ духтер теро̄ ма̄јум чі мігі̄ — чіро̄ бо̄ qоӯме хејш чі̄зі̄ не мігі̄
берафтум (бе) хејшіро̄ мӯ хӯ мӯгуфтум — меро̄ wо̄ ту неда̄н ту чі мігі̄

Эй дѣвица, я говорю съ тобой, что же ты скажешь?
Почему ты не поговоришь со своими родными?
— Я ходила къ своимъ, сама говорила.
Меня не отдадутъ за тебя — ты-то что скажешь?

6] Біо̄ еј но̄зеніне̣ рі̄зе-дендӯн — меро̄ ез іщqẹ тӯ бурден бе зіндӯн
чіро̄ ҕам мухӯрі̄ еј јо̄ре̣ но̄дӯн — дӯ то̄ гӯшwо̄ре до̄рум мо̄лі дішӯн

Приди нѣжная красавица съ мелкими зубами!
Меня изъ-за любви къ тебѣ увели въ тюрьму.
— Зачѣмъ печалишься, о несвѣдующій другъ?
У меня есть двѣ серьги — (ну, пусть онѣ) перейдутъ (къ) судьѣ (суду).

Варіанты — безчисленны, начиная отъ наиболѣе распространенныхъ, которые иногда такъ отшлифовываются, что могутъ соперничать съ книжными, и кончая самыми грубыми, не выходящими за предѣлы родной деревни. Мнѣ никогда не приходилось слышать двухъ идентичныхъ версій одного и того же варіанта.

IV.

При разборѣ образцовъ народнаго творчества невольно возникаетъ вопросъ объ ихъ авторахъ или, по крайней мѣрѣ, о той средѣ, которая является главнымъ творцомъ.

Авторъ этихъ образцовъ бываетъ извѣстенъ лишь очень рѣдко, только тогда, когда онъ является какимъ нибудь выдающимся явленіемъ среди деревенскаго населенія. Въ остальныхъ случаяхъ — это творчество совершенно анонимно, даже нѣтъ географическихъ категорій. Кромѣ импровизаціи отдѣльныхъ индивидовъ, а также переноса изъ другихъ областей (какъ напр. погонщиками верблюдовъ, на что указываетъ самое названіе сорбуні), въ нѣкоторыхъ частяхъ Персіи, какъ напр. въ восточной еще, сохранился обычай посидѣлокъ молодежи обоего пола, гдѣ видную роль играютъ декламація или пѣніе и импровизація четверостишій[1]). Это происхожденіе многихъ образцовъ объясняетъ такой странный фактъ, какъ незначительность порнографическаго элемента.

Часто импровизація является развлеченіемъ большой женской компаніи, собравшейся въ праздникъ, и очень часто, несмотря на отсутствіе родовыхъ окончаній въ персидскомъ языкѣ, попадаются стихотворенія, гдѣ рѣчь явно идетъ отъ лица женщины.

Происхожденіе обрядовыхъ, почти исключительно свадебныхъ пѣсенъ, въ виду ихъ крайней рѣдкости, прослѣдить трудно, да и врядъ-ли онѣ въ настоящемъ видѣ особенно стары. Интересно, что въ восточной Персіи, гдѣ, вообще, сохранилось еще много архаизмовъ, какъ напр. публичные танцы, зачастую военнаго происхожденія (особенно у полу-афганскаго населенія границы), открытыя музыкальныя сборища и т. п., эти пѣсни совершенно неизвѣстны.

V.

На пути изъ Индіи въ Россію, черезъ Персію, я избралъ маршрутъ Буширъ-Ширазъ-Іездъ-Табасъ-Себзеваръ-Кучанъ-Асхабадъ.

На этомъ пути смѣняются нѣсколько говоровъ: сначала говоръ прибрежной полосы съ примѣсью такъ называемаго тангистанскаго нарѣчія. Однако по всей дорогѣ языкъ исключительно фарсі, нарѣчій же не попадается. За Ширазомъ, въ деревнѣ Сивандъ, имѣется особое нарѣчіе, которое не разъ уже служило объектомъ изслѣдованій оріенталистовъ[2]). Далѣе,

---

1) Этотъ обычай извѣстенъ и въ Туркестанѣ.

2) Cl. Huart. Le dialecte persan de Siwend: JA⁹ I,241—65, В. А. Жуковскій во 2-мъ (еще ни вышедшемъ на свѣтъ) выпускѣ Матеріаловъ для изученія персидскихъ нарѣчій. См. еще Grundriss d. iran. Philol. I,2 p. 381, 383.

послѣ большого промежутка пустынной дороги, въ области Абаргуһъ начинается говоръ Іездскій, съ его характернымъ переносомъ ударенія на первый слогъ. Діалектическихъ различій, какъ мнѣ пришлось наблюдать, на этой дорогѣ онъ не имѣетъ. За Іездомъ, въ пустынѣ, немногочисленныя деревушки, быть можетъ очень старыя (какъ напр. Харо̄нак), не сохранили особаго нарѣчія и говорятъ на «городскомъ», нехарактерномъ языкѣ.

Область Табаса, въ той части, гдѣ пролегаетъ дорога, тоже ничего новаго не даетъ. Тамъ — говоръ южнаго Хорасана (хотя южнѣе Табаса существуетъ особое нарѣчіе, имѣющее отношеніе къ діалекту На̄ʼіна, напр., въ деревняхъ Іспа̄к, Курі̄т, и т. д.). Эта дорога, быть можетъ очень древняя, пролегаетъ по сплошной пустынѣ. Однако немного сѣвернѣе, по такъ называемой Исфаганской дорогѣ, нарѣчій встрѣчается много, напр. нарѣчія Бі̄о̄бӯнак'а, Но̄ʼін'а, полу-еврейскій жаргонъ Кӯһпо̄ и т. д. Послѣ Табаса, въ области Туршиза (или Туршиша, по мѣстному произношенію) имѣется особый говоръ, отличающійся отъ литературнаго лишь въ произношеніи, а далѣе въ области Себзевара эти особенности усиливаются, напр. употребляется а̄, частые переходы д въ j, что, положимъ, наблюдается и въ западной Персіи, напр. около Керманшаха, напр. да̄jе = да̄де и т. п. Далѣе начинается царство курдскаго и турецкаго языковъ.

Мои записи произведены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Камо̄ренц — небольшая деревня, около 50 домовъ, на Ширазо-Буширской дорогѣ; одинъ переходъ до Казеруна.

2) Палеwгіне — очень небольшая деревня, вѣрнѣе — стоянка кочевниковъ, два фарсаха отъ Казеруна, въ сторону Шираза. Запись — отъ мѣстнаго жителя, который часто живетъ и въ Казерунѣ.

3) Сі̄wанд — на Ширазо-Исфаганской дорогѣ, три перехода отъ Шираза. Запись — большей частью отъ женщинъ.

4) Пушті-Ба̄да̄м (Ба̄да̄н?) — небольшая деревня около 30—40 домовъ на дорогѣ Іездъ-Хорасанъ. Находится въ самомъ центрѣ пустыни, у наитруднѣйшаго перехода (идя по направленію къ Мешхеду).

5) Сеjфа̄ба̄д — большая деревня, больше 100 домовъ, въ области Туршиза, въ 8 фарсахахъ отъ города.

Такимъ образомъ, каждый районъ болѣе или менѣе представленъ. Что-же касается области Табаса, то я произвелъ здѣсь много записей, которыхъ, къ сожалѣнію, сейчасъ не имѣю подъ рукой. Онѣ, я надѣюсь, будутъ обработаны вмѣстѣ съ матеріалами по folk-lore'у восточной Персіи.

Всѣ записи произведены мною исключительно на мѣстахъ и отъ мѣстныхъ жителей. Уроженцы разныхъ отдаленныхъ деревень, встрѣчающіеся въ городахъ, благодаря ихъ недобросовѣстности и крайней лживости

нуждаются въ постоянномъ контролѣ. А если они живутъ долго вдали отъ родной деревни, ихъ произношеніе быстро портится, какъ напр. у дервишей, чарводаровъ и т. п. Лучше всего производить записи отъ женщинъ и подростковъ, что въ деревнѣ вполнѣ возможно.

О транскрипціи.

Почти вездѣ въ Персіи существуетъ въ произношеніи три вида звуковъ к и г. Самый гортанный — q (=ق) рѣзокъ только на сѣверо-западѣ Персіи. Въ другихъ областяхъ отъ него мало отличается звукъ к (=ق и ك) и, наконецъ, существуетъ совсѣмъ мягкій звукъ ќ, встрѣчающійся передъ а, е, і. Передъ у, ӯ, и ō (=ā) — этотъ звукъ, кажется, *никогда* не встрѣчается.

Почти то же относится и къ звуку г: ҕ (=غ) также рѣзокъ только на сѣверо-западѣ, гдѣ онъ часто смѣшивается съ q. Въ другихъ мѣстностяхъ этого не встрѣчается. Г и ѓ — подчиняются тѣмъ же правиламъ, что к и ќ.

w (و) есть скорѣе очень краткое у, чѣмъ русское в.

ā встрѣчается очень рѣдко, а звукъ, соотвѣтствующій ا звучитъ ō.

ӑ большей частью чередуется съ е, которое часто варьируетъ въ тембрѣ, близко подходя иногда къ а.

Во многихъ мѣстностяхъ существуетъ особый, почти неуловимый и не передаваемый для иностранца звукъ,средній между і и е. Онъ очень рѣдко бываетъ именно абсолютно среднимъ, принимая оттѣнки болѣе близкіе къ і или е, почему и изображается мной соотвѣтственно этимъ двумъ предѣламъ. Этотъ звукъ чаще всего встрѣчается въ изафетѣ, рѣже въ односложныхъ словахъ, напр. въ دل и گل — и я буду писать его, какъ е.

Образцы.

I. Четверостишія и ихъ фрагменты.

7] Бе qурбӯне ду чашмі масте мастет
ту qаljӯн чōк мекун місӯзе дастет
хӯдем чōк мікунем дiјем[1]) дастет.

Палеwгīне 1914.

Клянусь обоими твоими безконечно пьянящими глазами —
Не заправляй кальянъ — твои руки обжигаются;
Я самъ (его) заправлю и дамъ тебѣ въ руки.

---

1) дiјем = دهم. Такой переходъ является общимъ правиломъ въ восточной Персіи, въ западной же наоборотъ j = h, см. №№ 8, 9, 11.

8] Саhар амшеw масту мадhӯш ресōнīдем wалі дастам бе гīсӯш
чекīде бӯhẹ атрẹ зулфẹ jōрẹ фō'із ду дастем тō qiōмат мідеhат бӯш.

Палеwгīне 1914.

Пьянъ и безуменъ сегодня на разсвѣтѣ
Обѣ руки я протянулъ къ ея косѣ—
Капнулъ запахъ благоуханія локона прекраснаго друга—
Обѣ руки мои до дня воскресенія мертвыхъ будутъ имѣть его запахъ.

9] Саhар пурсīдем ез гīсӯhẹ дẹлбар турō хӯшбӯтер-е jō мішкẹ амбар
бегуф фō'із кі мō міранцем ез ту мерō бō мішкĕ несōзі берōбар.

Палеwгīне 1914.

Утромъ я спросилъ у косы красавицы:
Ты-ли благоуханна, или амбровый мускусъ [1])?
Сказала прекрасная: я обижена тобой,
Меня не ставь на одну доску съ мускусомъ.

10] Сеwōрẹ аспẹ хӯшрефтōрẹ мен шоw реwōнеjі (sic!) цōнібẹ дẹлдōрẹ ман шоw.
чі султōнẹ hawас дōем зі шоwќат цеhӯн зīрẹ пегīн пендōрем амшоw.

Палеwгīне 1914.

Садись на мою быструю лошадь,
Отправляйся къ моей возлюбленной.
Подобно султану, у котораго мысли всегда лишь о власти—
Я думаю, что міръ сегодня ночью [умѣщается] подъ камнемъ [моего перстня].

11] Шеw ōмад інтізōрẹ рӯзĕ дōрем
кі рӯз ōмад бе шоw умīдwōрем
не шоw хō бу не рӯз ōсōhіші дẹл.

Палеwгīне 1914.

Ночь пришла — я жду дня,
День пришелъ — и надѣюсь на ночь:
Ни сна ночью, ни днемъ покоя для сердца.

---

1) Быть можетъ лучше — мускусъ и амбра.

12] Qадę jōрем місōлę балкę бīд-е[1]) ду пістӯнеш місōлę дур[2]) сефīд-е
Ду чашмӯнеш харбцę мулкі Рej[3]) ду гīсӯjеш кеменді шīргīр-е.

Палewгīне 1914.

Станъ моей возлюбленной подобенъ листку ивы;
Ея обѣ груди — подобны бѣлой жемчужинѣ;
Ея оба глаза — [стоятъ] дохода [собств. податей] области Рея;
Ея обѣ косы — тенета, ловящія льва.

13] Лебет нōзем кі бе ōфтew хӯред рухат нōзем кі ōлем кердем мадḥӯш цӯш
бīō пур кун ду цōмі ез ла'лі лewōнет бегīр даст кі фō'із кунед нӯш (?).

Палewгīне 1914.

Я буду ласкать твои губы, которыя кипятъ (блестятъ) на солнцѣ (?!),
Я буду ласкать твои щеки, такъ что міръ сведу съ ума.
Приди, наполни два кубка (виномъ) рубина устъ твоихъ —
Отними (отъ лица?) руку, чтобы красавецъ пилъ.

14] Бīō мīō Фатḥулō шīрę цеңгī қатōр дowрę қадет мартī Фереңгі
ду аңгушт кōгазі ōмад бе пīш чі зулмё шуд берōјę қурӯнę хīш.

Палewгīне 1914.

Приди, приди Фатхулла, готовый къ битвѣ левъ!
У тебя вокругъ пояса обойма патроновъ и европейская винтовка Мартина.
(Но) пришло два пальца бумаги (=письмо о его смерти)—
И какое горе охватило его близкихъ.

15] Ду тō гōwę сīōḥ дер кōр дōрем земīнę пō буланд бісjōр дōрем
земīнę пō буланд сеḥрōјі Мардашт[4]) бе towфīqę ілōḥі сōје wар дашт.

Сīwанд 1914.

У меня для работы два черныхъ быка,
У меня есть много земли съ наклономъ (т. е. удобной для орошенія),

---

1) Сравненіе намекаетъ не только на стройность, но, гораздо чаще, на миніатюрность, маленькій ростъ, что считается однимъ изъ главныхъ качествъ красавицы. Такія сравненія очень часты, встрѣчаются и другія, напр.: Бīō, ej Фōтімеjі гуттę Булӯре — приди Фатима, маленькая, какъ пуля.

2) = дурр — сравненіе очень рѣдкое и изысканное, обыкновенно груди сравниваются съ нбренț і зарде — желтыми померанцами, гранатами, дынями, айвой и т. п.

3) Странный архаизмъ, б. м. указывающій на отдаленное книжное происхожденіе (за искл. перваго стиха) этого четверостишія.

4) Равнина около Шираза по Исфаганской дорогѣ, славится своимъ плодородіемъ.

Земля съ наклономъ въ степи Мардашта, —
(И) по милости (предопредѣленію) Божіей — тѣнь (облаковъ) надъ степью.

16] Мегер хабар недōрі гōwгелẹ ман, харман тōле дōрем ц̣ӯнгелẹ ман.

Сīwанд 1914.

Развѣ вы не знаете, быки мои,
Что у меня еще есть (цѣлое) гумно неочищенной пшеницы, милые (души) мои?

17] Ділẹ ман у ділẹ ман! не бӯ Пушті-Бōдӯм манзілі ман
егер јак шоw дер īн манзіл бехō- дігер армӯн немӯне дар ділẹ ман.
бум

Пушт-і-Бāдāм 1914.

О мое сердце, мое сердце!
Да не будетъ мѣстомъ остановки [ночевки] моей Пушти Бадамъ!
Вѣдь если хоть одну ночь я просплю на этомъ ночлегѣ—
Опять (больше?) не останется покоя въ моемъ сердцѣ.

18] Кеwīрẹ[1]) шӯр-е бōлōјі Чōрдеh бе-рӯјі сīнеjі ділwар дутō беh
сīздаhсōлегī аhдет рō бастум чōрдаhсōлегī лаб бō лабум деh.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

За деревней Чардеh — соляная пустыня.
На груди у возлюбленной — двѣ айвы.
Я женился на тебѣ, когда тебѣ было тринадцать лѣтъ—
Въ четырнадцать лѣтъ — отдай свои губы моимъ.

19] Кеwīрẹ шӯр-е бōлōјі Кедīзе[2]). бебӯсум hар ду лабōјі Хадīц̣е
ез ӯ тарсум бемīрум дер ҕарīбі кафан дер буҕчеі рахтẹ Хадīц̣е.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

За (деревней) Кедīзе — соляная пустыня.
Я поцѣлую обѣ губы Хадиджи.
Только того боюсь, что я умру на чужбинѣ,
А саванъ будетъ въ платяномъ сундукѣ Хадиджи.

20] Рабōтẹ Пуштẹ-Бōдōм нōр[3]) дōре серẹ дīwōреш хōр дōре
хōстум нōреш рō бечīнум берōјі хōтірі бīмōр[4]) дōре.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

---

1) Слово кеwīр употребляется, кажется, только въ центральной Персіи; въ западной вмѣсто него въ ходу названіе ка́фе, т. е. собственно — пѣна, а въ восточной Персіи — шӯре, что обозначаетъ селитру и соляной налетъ на берегахъ рѣкъ и канавъ. Кевīр представляетъ чрезвычайное разнообразіе формъ и обыкновенно лишенъ растительности.

2) Названіе небольшей деревни около Табаса.

3) Въ рабатѣ Пушті-Бāдāм растительность жалкая, но появляются первыя пальмы.

4) Гранаты вообще считаются очень нездоровыми фруктами, особенно кислые сорта.

Въ рабатѣ Пушти Бадамъ есть гранатовые кусты,
Его стѣны — выложены наверху колючкой,
Я хотѣлъ нарвать этихъ гранатъ,
Но онѣ имѣются (чтобы сдѣлать человѣка) больнымъ.

21] Шутур дідум кі лаңгар-дōр шіķар таhбōр у гул сарбōр мірафт мірафт
серç афсōр бе дастç тіфлç нōдӯн кі мінōлід у рӯ бе јōр мірафт.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

Я видѣлъ верблюда, который шелъ медленно,
Шелъ нагруженный снизу сахарнымъ пескомъ, а сверху — цвѣтами.
Конецъ повода былъ въ рукахъ молодца неразумнаго,
Который стоналъ и шелъ въ сторону возлюбленной [1]).

22] Хӯдум нōлӯн у лӯкум нōлад ад-діл [2]) бенōлем (sic!) hар дутō манзіл бе манзіл.
лӯкум нōлад ез бōрç сеңгін хӯдум нōлӯн кі дӯр афтōдем ез wçлл.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

Я самъ рыдаю и верблюдъ мой сильно реветъ,
Поплачемъ оба, переходъ за переходомъ.
Верблюдъ реветъ, потому что тяжелы его вьюки;
я самъ — потому что далеко ушелъ отъ возлюбленной.

23] Алō духтер кі мӯhōі ту бӯр-е бе hамӯм міреwі рōhі ту дӯр-е
бе hамӯм міреwі зӯдē біјōјі кі кōрç ōшуqī хејлі зелӯр-е.

Сејфōбōд 1914.

О дѣвица съ рыжими волосами [3])!
Ты идешь въ баню и твоя дорога далека.
Ты идешь въ баню, возвращайся же скорѣе—
Вѣдь дѣло влюбленности очень трудно.

---

1) Это стихотвореніе въ безчисленныхъ варіантахъ одно изъ самыхъ популярныхъ въ деревнѣ всѣхъ областей Персіи. Въ восточной Персіи первая часть такова:

Шутур дідум кі сандал бōр дōре
шіķар таhбōр у гул сербōр дōре *etc.*

2) ад-діл = ез діл? — бе діл? — эта форма употребляется, кажется, только въ восточной Персіи, гдѣ она очень часто встрѣчается, преимущественно въ сочетаніи со словомъ діл.

3) Быть можетъ отъ хенны? Рыжеволосые встрѣчаются въ Персіи не часто, преимущественно около Курдистана, гдѣ свѣтлые волосы у дѣтей не рѣдки (взрослые красятъ ихъ хенной). Въ восточной Персіи зато очень часты альбиносы, съ красной кожей и совершенно бѣлыми, не темнѣющими съ возрастомъ, волосами.

24] Імрӯзӗ дігерем зі ферōqе ту шӯм шуд | нō діде іп цемōлет умрем темӯм шуд
ӯмад немōзі шӯм у нійōмад негōре ман | ез діде хӯн бебōре кі хōбет нōрōм шуд.

Сеjфōбōд 1914.

Сегодня снова въ разлукѣ съ тобой насталъ вечеръ,
Я не увидѣлъ твоей красоты — и моя жизнь окончилась.
Настало время вечерней молитвы, а все не приходитъ моя ненаглядная—
Пусть изъ (моихъ) глазъ потечетъ кровь, если твой сонъ былъ неспокоенъ.
(отъ угрызеній совѣсти?).

25] Qаддет бō шамсі[1] зар мімōне ділwар | лабет бō нейшікар мімōне ділwар
гурухт керді[2]) нейōје хōнеје јōр | кі дōђет wер ціґар мімōне ділwар.

Сеjфōбōд 1914.

Твой станъ похожъ на золотое солнце, красавица,
Твои губы — на сахарный тростникъ, красавица.
Ты убѣжала, не приходишь въ домъ друга,
Но (нанесенная) тобой рана останется въ сердцѣ, красавица!

26] Qалам сер кунум ез істухӯн | муракаб гірум ез рекһōјі цӯн
һамӯн муллōі кі ī кōђаз бехӯне | ез ӯ дарді ділум һајрӯн бемōне[3]).

Сеjфōбōд 1914.

Я очиню перо изъ (моихъ) костей.
Возьму чернилъ изъ главныхъ артерій.
Тотъ[4]) кто прочтетъ это письмо,
Смутится отъ такихъ страданій моего сердца.
(останется въ смущеніи отъ такого страданія моего сердца).

27] Лабет qајмōq у дендӯнет пенīр-е | ду сінеjі анōрет кабзегīр-е (?)
дуōјі бенде дер ōлам һамін-е | кі дарді ōшуqī кōфар небіне.

Сеjфōбōд 1914.

Твои губы — сливки, зубы — сыръ.
Твои обѣ, похожія на гранаты, груди . . . . . (?)

---

1) Очень рѣдкое слово въ народной поэзіи. Въ западной Персіи солнце называется ōфтōб, хуршід, а въ восточной — рӯз.

2) Обыкновенная форма perfecti, напр. дар-неwіс керді, wар хōст к., гуруфт к. (взялъ) etc.

3) Ср. В. Жуковскій, Образцы перс. нар. творчества, стр. 222.

4) Собственно — тотъ грамотный человѣкъ.

Молитва моя въ (этомъ) мірѣ такова:
Пусть (даже) невѣрующій не испытываетъ мукъ влюбленности.

28] Мусалмӯнӯн ҕарі̄бі Себзеwо̄рум бе діл таӈг у бе діл муштōкę jо̄рум
егер ділбар бедо̄не дар куцо̄jум кі шабгі̄р куне о̄jед куно̄рум.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

Мусульмане! Я странникъ изъ Себзевара,
У меня тяжело на сердцѣ, я рвусь всѣмъ сердцемъ къ возлюбленной (къ другу).
Если бы она узнала, гдѣ я—
Она бы пришла ко мнѣ, дѣлая ночные переходы (=торопясь).

29] Мусалмӯнӯн ділум до̄ре qубо̄рі дер і̄н Туршіш не мігі̄ре qаро̄рі
берӯм jо̄ре бегі̄рум Себзеwо̄рі кі Туршіші̄ не до̄ре іʿтібо̄рі.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

Мусульмане, мое сердце покрылось прахомъ,
Оно не находитъ успокоенія въ этомъ Туршизѣ.
Пойду, возьму въ друзья себѣ Себзеварку
Потому что Туршизки ненадежны.

30] Немо̄зі шӯм неjо̄мад гул ано̄рум бе jортеjі [1]) куhне мімо̄нед рӯзего̄рум
егер сад гул біо̄jед бе куно̄рум ез ӯ сад гул неjо̄jед бӯjі jо̄рум.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

Вечеромъ не пришелъ мой цвѣтокъ граната;
Моя судьба похожа на старую юрту (sic).
Если сто цвѣтовъ будетъ передо мной—
Изъ тѣхъ ста цвѣтовъ не будетъ запаха друга.

31] Се рӯзе дер hаwо̄ гӯкę тіло̄jум се панц рӯз-е кі ез ділбер цедо̄jум
се панц рӯзę дігер ӯро̄ небі̄нум худо̄ до̄нед кі бе маргум різо̄jум.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

Три дня, какъ я (точно) золотой шарикъ, подвѣшенный въ воздухѣ.
Три-пять дней, какъ я въ разлукѣ съ красавицей.
Если я ее не увижу еще три-пять дней—
Богъ знаетъ, что я согласенъ умереть.

32] Сіо̄hчашмі кі чашмо̄і зо̄ҕ до̄ре сабат дар даст меjлі бо̄ҕ до̄ре
сабат бегзо̄р у меjлі бо̄ҕę мо̄ ку сарем бешкен wе дардę мо̄ деwо̄ кун [2]).

Сеjфо̄бо̄д 1914.

---

1) Употребленіе этого слова можно объяснить близостью тюркскаго населенія.
2) Ср. В. Жуковскій, Матеріалы для изуч. перс. нарѣчій, I, стр. 31.

Черноглазая, съ глазами цвѣта вóрона,
Съ корзинкой въ рукѣ, хочетъ идти въ садъ.
— Оставь корзину, зайди въ мой (нашъ) садъ—
Разбей мою голову, но излечи мое страданіе.

33] Худо̄ міхо̄ст кі ман дӯр ез ту бо̄шум зі ђам бо̄ріктер ез мӯјі ту бо̄шум
худо̄ до̄де бе ту һусн у џемо̄лі кі ман дер һазраті рӯјет (sic) бо̄шум.

Сејфо̄бо̄д 1914.

Богъ хотѣлъ, чтобы я былъ далекъ отъ тебя,
Чтобъ отъ скорби сталъ тоньше твоего волоса.
Богъ далъ тебѣ красоту и прелесть,
Чтобы я предстоялъ предъ твоимъ лицомъ (?).

34] Шебі кі тӯ нејо̄јі ман чі со̄зум ело̄џі кун ділум шебо̄јі діро̄зум
діро̄зіјі шаw ез бімо̄р пурсен кі ман бімо̄рум шабо̄і діро̄зум.

Сејфо̄бо̄д. 1914.

Въ ночь, когда ты не придешь, что мнѣ дѣлать?
Уврачуй мое сердце въ мои длинныя ночи!
О долгости ночи спрашиваютъ у больного,
А я вѣдь больной въ мои долгія ночи.

35] Неші̄нум бо̄ дере̣ ајwӯне̣ неј-пӯш бере̣ рӯјі сефі̄д кеј кунум бӯс
агер хо̄һі̄ кі ђајрум јо̄ре гі̄рі іло̄һі һіџлејет герде сіо̄һпӯш.

Сејфо̄бо̄д. 1914.

Я сижу у двери входа, крытаго тростникомъ,
(И думаю), когда-то поцѣлую щеку бѣлаго лица?
Если же ты захочешь взять вмѣсто меня другого друга,
Боже! да будетъ твоя брачная комната покрыта чернымъ (т. е. трауромъ?).

36] Чунӯнкі мі̄реwі wер сі̄не бо̄ло̄ іло̄һі̄ бешкене ӯ qаде̣ бо̄ло̄
темо̄ме̣ һеңго̄мо̄т дастем ресі̄де кі но̄маһрам бо̄ ӯн џӯн-е һо̄ло̄

Сејфо̄бо̄д. 1914.

Какъ идешь ты вверхъ по откосу горы,
Богъ да разобьетъ тотъ (твой) высокій станъ!
Вѣдь всегда мнѣ выпадало на долю узнать,
Что кто нибудь посторонній сейчасъ съ той красавицей.

37] Буланд бо̄ло̄ зе бо̄ло̄ о̄мадум jо̄р беро̄је̨ хо̄ле̨ лабо̄т[1]) о̄мадум jо̄р
шінӣдум хо̄ле̨ леб ро̄ міфурӯші харӣдо̄р бесеwдо̄т о̄мадум jо̄р.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

Съ высокихъ-высокихъ горъ я пришелъ, о возлюбленная!
Я пришелъ ради родинки твоихъ щекъ (губъ), о возлюбленная!
Я слышалъ, что ты продаешь родинку на щекѣ —
Я и пришелъ покупателемъ на твой товаръ, о возлюбленная!

38] Кі чігӯне сіо̄h ро̄ тахтѣ̆ керді кемербо̄рӣк меро̄ дӣwӯне керді
кемербо̄рӣке̨ пур ђамзеје ашо̄рат wер міӯне̨ хӯне керді.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

Почему ты разостлала черное?
Почему ты, съ тонкой таліей, меня свела съ ума?
Ты, съ тонкой таліей, полная кокетства,
Указала во внутрь дома.

39] Неjі qалjӯн буланд кун о̄мадум jо̄р бероw хӯдро̄ кашаңг кун о̄мадум jо̄р
шінӣдум кі де̨лет ро̄ ђам гіріфте берою ђам ро̄ бедар кун о̄мадум jо̄р.

Сеjфо̄бо̄д. 1914.

Подними трубку кальяна, я пришелъ, другъ!
Пойди, прихорошись, я пришелъ, другъ!
Я слышалъ, что сердце твое охватила печаль —
Пойди, выбрось тоску, я пришелъ, другъ!

40] Неjі qалjӯн бедастет нуqре со̄зум чі о̄теш бо̄ сареш фӣрӯзе со̄зум
ту тамбо̄кӯ біjо̄р ез мішке̨ амбар беро̄је̨ jо̄ре̨ чо̄рдеhсо̄ле со̄зум.

Сеjфо̄бо̄д. 1914.

Я украшу трубку кальяна, которая у тебя въ рукахъ, серебромъ
Я вставлю въ ея верхушку (конецъ) бирюзу, какъ огонь (?)
Ты принеси табаку изъ амброваго мускуса (или — мускуса и амбры?)—
Я вѣдь дѣлаю (это) ради четырнадцатилѣтней возлюбленной.

41] Шабі манзілі ман кӯjі ту бо̄ше тено̄бе̨ хаjмеjум[2]) мӯі ту бо̄ше
сеwо̄ кі hо̄ңіjӯн ез hаң біjо̄је зіjо̄ратго̄hе̨ ман рӯjі ту бо̄ше.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

---

1) леб — значитъ обыкновенно не только «губа», но и щека, слово рух въ Восточной Персіи употребляется крайне рѣдко.

2) Хаjме — слишкомъ литературно, обыкновенно — чо̄дір.

Ночью мѣстомъ моего ночлега на будетъ твоя улица,
Веревкой палатки моей да будутъ твои волосы.
Завтра, когда хаджи придутъ изъ хаджа,
Мѣстомъ поклоненія моимъ да будетъ твое лице

42] Ділум мӣхōст кі бō ту jōр бōшум чі дӯне дер міӯне̦ нōр бōшум
чі дӯне дер міӯне̦ нōре̦ шӣрін берōjі шарбаті бӣмōр бōшум.

Сеjфōбōд 1914.

Мое сердце хотѣло, чтобы я былъ съ тобой другомъ,
Былъ, какъ зерно въ серединѣ гранатоваго яблока.
Какъ зерно внутри сладкаго гранатоваго яблока —
Я былъ бы для напитка, даваемаго больнымъ.

43] Егер де̦лбар мерō хōһад[1]) ђамум нīст кі дерді ōшуqī дарді ќамі нīст
егер ділбар мерō хōһад бе пірī дīге дер џōһілī муннаті нīст.

Сеjфōбōд 1914.

Если красавица любитъ меня, у меня нѣтъ печали —
А вѣдь страданія влюбленности страданія не малыя.
Если же красавица меня любитъ и въ старости —
Тогда въ молодости нѣтъ никакой важности.

44] Худōwендō бе jēлōqум ресōні бе шīр у мōст у qаjмōqум ресōні
егер шīр у мōст у qаjмōq небōше бе ӯ духтерһōі Іспōк [істōк?] ресōні

Сеjфōбōд 1914.

Боже, приведи меня на яйлакъ!
Къ молоку, простоквашѣ и сливкамъ.
Если же не будетъ молока, простокваши и сливокъ —
Тогда приведи меня къ дѣвицамъ Испака[2]).

45] Худōwендō дӯтō нӯр ōферīде jекі шеw у jекі рӯз ефтīде
бе qурбӯне̦ керіміjі худōш зі чӯбі хушк еңгӯр ефтīде.

Сеjфōбōд 1914.

Боже! сотворены два свѣта [=свѣтила]:
Одно пришлось на ночь, другое на день.

---

1) Въ восточной Персіи очень часто употребляется вмѣсто этого глагола для выраженія «любить» — другой, міџгīден, который очень живо напоминаетъ хиндійскій мāңгнā.

2) Названіе деревни на Хорасанской дорогѣ. Істōк обозначаетъ — молодой побѣгъ: къ дѣвицамъ, подобнымъ молодымъ побѣгамъ? — Въ моей записи неразборчиво.

Клянусь милостью Бога, [создавшаго] ихъ,
Изъ сухого дерева явился виноградъ.

46] Hewīсум бō дерẹ дīwōрẹ хӯне бемōнед ез мені міскīн нішōне
егер пурсен кі міскīн бе куцō бегӯ бегріхт ез дастẹ замōне
рафт

Сејфōбōд 1914.

Я пишу на двери въ стѣнѣ дома —
Отъ меня, бѣднаго, пусть останется знакъ.
Если спросятъ, куда ушелъ (этотъ) бѣднякъ?
Скажи: убѣжалъ отъ рукъ судьбы.

47] Земōнејі кі мерō qазō (wефō?) тілō бӯдум wерōwар бе місум ке
муфлісум ке
бе діл дōштум[1]) qабōі now qawōі куhнẹ хōрі мецлісум ке[2])
бепӯшум

Сејфōбōд 1914.

Въ то время, когда судьба (вѣрность?) сдѣлала меня бѣднякомъ —
(Я былъ золотомъ, она сравнила меня съ мѣдью)—
Я мечталъ надѣть новую одежду,
Но старая сдѣлала меня презрѣннымъ въ собраніи.

48] Алі дīдум Алі дер хōw дīдум Алі дер месчіті міhрōw дīдум
Алі дīдум кі бō Дулдул сеwōр-е чі Qамбар бō рікōбеш мідеwīдум.

Сејфōбōд 1914.

Я видѣлъ Али, видѣлъ Али во снѣ,
Я видѣлъ Али въ мечети, въ молитвенной нишѣ.
Я видѣлъ Али, верхомъ сидящаго на Дульдулѣ —
Какъ Камбаръ, я бѣжалъ у его стремени[3]).

49] Qурбōнẹ мīлẹ герденет Мāмед qурбōнẹ музір бестенет Мāмед сер-
сердōр дōр.
hōлō кі доwрӯн доwрӯн-е Мāмад замīн шōhī Хурōсӯн-е Мāмед сердōр.
сердōр

Сејфōбōд 1914.

---

1) Въ восточной Персіи очень часто произносится дīштум.

2) Ср. В. Жуковскій. Образцы стр. 241.

3) Это, какъ мнѣ кажется, очень рѣдкій образецъ произведенія народнаго творчества, гдѣ разработывается религіозная тема. Быть можетъ мнѣ не сообщали подобныхъ данному образцовъ, какъ иновѣрцу? — По формѣ оно совершенно народное, однако возможно, что имѣетъ темой мотивъ какого-нибудь книжнаго четверостишія изъ поэмъ и дивановъ религіознаго содержанія.

Клянусь столбомъ позвоночниковъ твоей шеи, Мамедъ сердоръ [1])!
Клянусь твоей стрѣльбой изъ маузера, Мамедъ сердоръ!
Теперь, когда судьба мѣняется, Мамедъ сердоръ!
Ты заложникъ царя Хорасанскаго, Мамедъ сердоръ!

50] Дӯст кердем шушкурӯші ділум хӯш о̄wід   шо̄хідам то̄ Іхтішо̄м [2]) бо̄ ђо̄рі [3]) о̄бі
сер кешідум сере̣ ќал по̄је̣ ќал діјо̄р-с   јо̄рё ц̣ӯне̣ мо̄ бегӯ гулгӯн бејо̄ре.

(Изъ пѣсенъ племени Бӯі-Рахмад). Сі̄wанд 1914.

Я полюбилъ шести-піастровыя (шести-крановыя?) монеты, онѣ радовали мое сердце.
Я грабилъ (?), пока Ихтишамъ не пріѣхалъ въ коляскѣ.
Я высунулся на (башню) крѣпости (?), подъ ней видно (все) внизу.
Другъ, душа моя, скажи, чтобы привели (?) (лошадь по имени?) Гульгунъ.

51] Тӯле̣ гірде со̄хётем чілѓаз һасо̄реш   Іхтішо̄м ѓард не кешід тӯп Јо̄дего̄реш
јек qато̄р доwре̣ qадум јекі бе пуштум   до̄ђіјум (до̄һіјум?) бандум бедо̄д geһо̄wмо̄ куштум.

(Изъ пѣсенъ племени Бӯі-Рахмад). Сі̄wанд 1914.

Я построилъ круглое укрѣпленіе, каменная стѣна котораго была въ сорокъ гязовъ.
Ихтишомъ, его (мирза) Йодгоръ не поставилъ пушекъ вокругъ.
У меня одна обойма вокругъ пояса, а другая за спиной —
Мой дядя связалъ меня — и я убилъ своего брата (?).

II. Образцы другихъ размѣровъ.

52] Һіро̄ һіро̄зо̄де̣ мен   нерефте ез јо̄де̣ мен
тухме̣ перізо̄де̣ мен   гулі Сејно̄бо̄де̣ мен
бӯсо̄і кі дішаw до̄ді   мушті Шемсо̄бо̄ді мен.

Сејфо̄бо̄д 1914.

---

1) Очень можетъ быть, что это уцѣлѣвшій отрывокъ какого-нибудь повѣствовательнаго цикла, быть можетъ длинной поэмы, состоящей изъ четверостишій. О личности Ма̄медъ сердара я не могъ собрать никакихъ данныхъ, но вѣроятнѣе всего, что это одинъ изъ популярныхъ разбойниковъ, грабившихъ на Себзеваро-Ниша̄пурской дорогѣ (ихъ и теперь тамъ много).

2) Имя одного изъ бывшихъ губернаторовъ Фарса.

3) Ђо̄рі, گاری, вѣроятно индійскаго происхожденія, обозначаетъ въ Персіи главнымъ образомъ фургонъ, фуру, а затѣмъ и вообще всякую повозку.

Мой кардамонъ, дочь кардамона!
Мое зернышко, рожденное пери!
Тѣ поцѣлуи, что ты вчера дала,
Не выходятъ (ушли) изъ памяти у меня.
Роза Ћусейнабадская моя,
Пригоршня Ше́мсабадская моя!

53] Даwо̄ кі фето̄дем бе хо̄ке̣ Дірі̄з
седо̄і шасті̄р у седо̄і фелі̄с
моцелумба сӯі Гӯрі Хо̄н деwі̄д
јекі куште у дӯ̣то̄ захм (sic) ді̄д
сере̣ шӯм нолі̄дам то̄ саһар
кі цӯ̣ндо̄р ре̣сі̄д то̄ бе Бо̄ђе̣ назар
сере̣ шӯм кердем феђӯн
кі цо̣̆ндо̄р (у туфаӊгчі) ресі̄д бе хӯде̣ Ко̄зерӯн
Но̄сер-Дівиӯн ту мекун феђӯн
зӯдё сеwо̄р бешоw сі̄ кӯһістӯн

Палеwгі̄не 1914.

Когда я попалъ во время битвы въ Диризъ[1]),
(Былъ слышенъ) звукъ пулемета и крикъ полицейскихъ.
Майоръ Умба(?) побѣжалъ къ мѣстности Гури Ханъ
И увидѣлъ, что одни убиты, а другіе ранены.
Съ вечера я рыдалъ до утра,
Что жандармы дошли до сада Назаръ.
А къ вечеру я завопилъ,
Такъ какъ жандармы (и стрѣлки) дошли до самаго Казеруна.
Насиръ-диванъ (псевдонимъ автора?), не вопи,
Скорѣй садись на лошадь, чтобы (убѣжать) въ горы[2]).

1) Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Казерума.

2) Въ этомъ стихотвореніи разсказывается о событіяхъ, происходившихъ въ Казерунѣ въ маѣ—іюнѣ 1914 г. Въ г. Казерунѣ была большая шайка изъ мѣстныхъ жителей, бравшая налогъ (باج) съ каравановъ. Когда персидское правительство послало туда жандармовъ для обузданія шайки, они ничего не могли подѣлать по своей неорганизованности, отсутствію дисциплины и непопулярности у мѣстныхъ жителей. Ночное нападеніе на домъ главы шайки «калантера», произведенное командовавшимъ отрядомъ шведскимъ офицеромъ, окончилось крайне неудачно для жандармовъ: самъ офицеръ былъ убитъ, трупъ его брошенъ въ latrinae, а отрядъ, понеся громадный уронъ, съ трудомъ удержался въ одной изъ пальмовыхъ рощъ за городомъ. Прибывшія къ жандармамъ подкрѣпленія (съ пулеметомъ) послѣ упорнаго боя заставили шайку отступить, — она скрылась въ горы. Преслѣдовать ее шведскіе офицеры не рѣшились, а предпочли отдать городъ на разграбленіе. Черезъ нѣсколько дней Казерунъ превратился въ полуразрушенную деревню. Во время грабежа было много убито мирныхъ жителей обоего пола. (Такой

III. Образцы свадебныхъ пѣсенъ.

Къ тому, что говорилось объ этомъ видѣ творчества выше и что сказано въ книгѣ В. А. Жуковскаго «Образцы персидскаго народнаго творчества» можно прибавить, что свадьба очень часто служитъ объектомъ разныхъ насмѣшекъ и, какъ это ни странно, въ такой бѣдной странѣ, какъ Персія,—именно надъ бѣдностью невѣсты или жениха. Напр.

54] Рӯі бӯне худ рō џō кун еј дiлwар арусӯне [1]) тамашō кун еј дiлwар
арусӯне кi ҕawҕōе недōре дуһӯл бешќасте wу сōзē недōре.

(Область Бирджанда 1912).

Приготовь себѣ, красавица, мѣсто на крышѣ.
Взгляни на свадьбу, красавица,
На свадьбу безъ оживленія:
Сломанъ большой барабанъ и музыки нѣтъ.

Иногда — это скорѣе причитаніе, чѣмъ пѣсня, напр.

55] Бiō бiō кечӯр-мечӯр
бiō бiō сардаст белӯр.

Приди, приди миленькая-миленькая!
Приди, приди съ руками, нѣжными какъ хрусталь!

Бракъ является очень рѣдко объектомъ лирическихъ стихотвореній, да и вообще, какъ почти вездѣ въ крестьянствѣ, на него смотрятъ лишь какъ на способъ пріобрѣтенія рабочей силы, гораздо рѣже — предмета удовольствія.

Взглядъ крестьянина на этотъ вопросъ хорошо фиксированъ въ слѣд. четверостишіи:

56] Худōwендō дē-тō хурмō бе ман дej зане̜ пiр у зане̜ ра‘нō бе ман дej
зане̜ ра‘нō берōјi дестēгерден зане̜ пiр берōје̜ кōрē керден.

Боже! дай мнѣ два финика!
Дай мнѣ жену старую и жену красивую:
Красивую жену — для объятій,
А старую — для работы.

грабежъ былъ произведенъ въ Бамѣ и Ларистанѣ, послѣ чего награбленное добро открыто продавалось на базарахъ Кермана и Шираза). Менѣе всего пострадала шайка: былъ заключенъ миръ и «калантеръ» вернулся опять въ качествѣ градоначальника со всѣми своими «туфангчи» — стрѣлками.

1) Винит. или косвенный падежъ на -е, -у часто встрѣчается въ восточной Персіи.

Образцы.

57] Арӯс арӯсеш мікуненд
суӯре хурӯсеш мікуненд.

Камӯренц. 1914.

Невѣсту замужъ выдаютъ,
Ее сажаютъ на пѣтуха.

Интересны аналогіи изъ восточной Персіи:

57[a]] Мӯ арӯс міберім — гуле хурӯс міберім
ез wасткі (از بس که) сундӯq — wар пушті хурӯс міберім.
сеңгін-е

Мы невѣсту ведемъ,
(Красную) мальву несемъ.
Такъ какъ сундукъ (съ ея приданымъ) тяжелъ,
Мы веземъ его на пѣтухѣ [1]).

58] Кічеі таңг-е hej гулі
арӯс булапд-е hej гулі.

Камӯренц 1914.

Улица узка, о цвѣтокъ!
Невѣста поднялась (= встала), о цвѣтокъ!

59] Духтерем духтере ӣл-е — ціhӯзеш [2]) мӯле (бӯре?) фӣл-е
духтерем духтере ферецгӣ — ӯн ціhӯзеш (?) пурё қанді

Камӯренц 1914.

Моя дочь — дѣвица изъ (кочевого) племени.
Ея сѣдло — надѣвается на слона.
Моя дочь — какъ европейская дѣвица:
То сѣдло ея (?) полно сахара [3]).

---

1) Это, конечно, насмѣшка, но предыдущее двустишіе лучше разсматривать въ положительномъ смыслѣ: — невѣста такъ миніатюрна, что ее сажаютъ на пѣтуха. А быть можетъ это пережитокъ какого-нибудь древняго обряда, связаннаго съ пѣтухомъ, который принадлежа къ солнечному культу, былъ нерѣдко связанъ и съ обрядами брака.

2) ціhāз — значитъ собственно вьючное сѣдло для верблюда.

3) Т. е. она богата, какъ европеянка?

60] Кел кешīдем кел кешīдем
мō кі бурдем хōнем арӯс

кел бе сӯję дęл кешīдем
шумō чӯн бер гęл кешīдем.

Cīwанд 1914.

Мы улюлюкали, улюлюкали,
Мы, уводившіе госпожу-невѣсту,

Улюлюкали — для сердца.
Точно по грязи тащили васъ (?).

61] Хōнę мō арӯс тӯ дер ӯмад
шīрę дӯмōд дер ӯмад

чīтę гулхурдеję бурīзем [1])
хōнę мō арӯс берōбереш.

Палеwгīне 1914.

Ханъ мой, твоя невѣста пришла,
Отмѣрь (посынь) мнѣ цвѣтного ситца.
Вошелъ женихъ-левъ —
Ханъ мой, невѣста одинакова съ нимъ.

62] Ōмадім дōлӯн тō дōлӯн тō дамę дерwōзетӯн
дар wō кун дарwōзетӯн мō мīберīм шōhзōдетӯн [2]).

Cīwанд 1914.

Мы пришли до входа, до входа, до самыхъ вашихъ воротъ,
Отвори(те) двери, ворота ваши, мы увземъ вашу царевну (= вашего царевича).

63] Ōмадīм у мīберīм гул сефīд памбе рō
рухсат ез бōбō бегīрід шаб чірōę hуцле рō [3]).

Cīwанд 1914.

Мы пришли и уводимъ бѣлый цвѣтокъ хлопка,
Возьмите разрѣшеніе у отца (зажечь) ночью свѣтильникъ для брачнаго покоя.

64] Шōh бе тахт шōhi бе тахт
зангелӯнем [4]) кел кешīд

шōh берōрем рӯi тахт
шōh берōрем керде рахт [5]).

Cīwанд 1914.

Царь на тронѣ, царь на тронѣ!
Женщины мои, улюлюкайте —

Царь братъ мой — на тронѣ!
Царь братъ мой одѣлся!

---

1) Ріхтен, когда говорится о тканяхъ, обыкновенно означаетъ—мѣрить, отмѣривать.
2) Ср. В. Жуковскій, Образцы, стр. 140.
3) Ср. тамъ-же, стр. 141.
4) Примѣръ двойнаго pluralis — діалектическій суффиксъ гел + ān.
5) Ср. тамъ-же, стр. 130.

65] Јек һамӯме сіт бесо̄зем чӯн һамо̄мe̥ Ко̄зерӯн
даме̥ дарто̄ш нуqре гірем сі беро̄ре̥ хурдемӯн [1]).

Сіwанд 1914.

Я построю для тебя баню,
Какъ казерунская.
Самыя двери ея я покрою серебромъ
Для моего маленькаго брата.

Варіантъ:

66] Јек һамо̄мe̥ сіт бесо̄зем чӯн місо̄ле̥ Ко̄зерӯн.
о̄беш ез Бандар біјо̄рем хіштеш ез Мо̄зендерӯн.

Я построю для тебя баню,
Подобную казерунской,
Воду для нея я привезу изъ Бендеръ-Бушира,
А кирпичи — изъ Мазандерана.

67] Мо̄ бе расмі ро̄һе̥ Бандер зард палеwе̄ пухтејум
сӯі керо̄мі шī-до̄мо̄д налqe̥ бо̄дӯм рухтејум [2]).

Сіwанд 1914.

Мы, по обычаю, который принятъ на дорогѣ въ Бендеръ-Буширъ,
Сварили желтый пловъ.
Ради (sic?) щедрости жениха-льва
Мы сыпали миндальныя конфекты.

68] Īле бо̄ло̄ īле по̄īн гелемӯн бӯр зеде хо̄ш
шо̄ле̥ qадде̥ шīре̥ дӯмо̄д сад тумо̄н рефте беһо̄ш

Сіwанд 1914.

Одно племя вверху, другое внизу. Мое стадо сбилось въ кучу и спитъ (сонъ сбилъ его въ кучу).
Шаль пояса жениха-льва стоитъ сто тумановъ.

69] Еј һено̄банд еј һено̄банд ī һено̄ро̄ хӯб бебанд
сере̥ Алі дӯст мīдо̄рī сере̥ дӯмо̄д хӯб бебанд [3]).

Сіwанд 1914.

О банщикъ, накладывающій хену (bis), — наложи эту хену хорошенько!
Если ты чтишь (любишь) голову Али, хорошенько наложи хену на голову жениха.

1) Ср. тамъ-же, стр. 127.
2) Ср. тамъ-же, стр. 129.
3) Ср. тамъ-же, стр. 129.

70] Нене арӯс цӯнę рӯдет ī qадар гаргōw мекун
шīрę дӯмōд hīч недōре зīрę qарзеш ту мекун.

Cīwанд 1914.

Матушка невѣста, дорогая, не рыдай столько:
Женихъ-левъ ничего не имѣетъ, не вводи ты его въ долги[1]).

В. А. Ивановъ.

Библіографическая справка къ статьѣ:

„Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи".

1232-3. Шамси Кайсъ въ своей персидской метрикѣ и поэтикѣ первый — сколько мнѣ извѣстно — приводитъ образцы народныхъ четверостишій (فهلويّات, особый родъ которыхъ называется اورامن стр. 143, pl. اوامنان стр. 80) и напрасно старается скандировать ихъ по правиламъ арабско-персидскаго «ǎарӯза». Другіе метрики, кажется, вовсе не говорятъ о народныхъ стихахъ. См. E. J. W. Gibb Memorial Series, Vol. V: Al-mu'jam fi ma'áyíri ash'ári 'l-'ajam. A treatise on the prosody and poetic art of the Persians by Shamsu 'd-din Muḥammad ibn Qays ar-Rází edited with introduction and indices by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu l'-Wahháb of Qazwín. Leyden. London 1909, 8°, p. 80—82. 142—147.

1842. Alexander Chodzko. Specimens of the popular poetry of Persia. as found in the adventures and improvisations of Kurroglu, the bandit-minstrel of Northern Persia; and in the songs of the people inhabiting the shores of the Caspian sea. London, Oriental Translation Fund 1842. 8° maj., стр. 416 слл. 453 слл. 525 слл. (Гилянцы называютъ свои пѣсни Pálevi, стр. 454).

1852. A. Chodzko. Grammaire persane. Paris 1852. 8°, стр. 18-19. 87. 114. 143. 148.

---

1) Быть можетъ, это намекъ на обычай, согласно которому невѣста, подходя къ дому жениха, останавливается (до трехъ разъ). Въ первый разъ женихъ высылаетъ уговаровать ее, обѣщая ей повезти ее на богомолье въ Мешхедъ, второй разъ — Кербелу, третій — Мекку. Обыкновенно больше трехъ остановокъ не бываетъ. Иногда женихъ высылаетъ подарокъ, на что и намекается вѣроятно здѣсь.